

Ахмадеев Камиль Наилевич

Akhmadeev Kamil Nailevich

аспирант кафедры российской политики
Санкт-Петербургского государственного университетаPhD student, Russian Politics Department,
Saint Petersburg State University**ЯЗЫКОВОЙ И ДИАСПОРАЛЬНЫЙ
ФАКТОРЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ
ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ****LANGUAGE AND DIASPORA
FACTORS IN THE ETHNIC
POLITICAL MOBILIZATION OF
THE CRIMEAN TATAR ETHNIC GROUP****Аннотация:**

Статья посвящена анализу двух факторов этнополитической мобилизации крымско-татарской этнической группы – языковому и диаспоральному. В самом широком смысле этнополитическая мобилизация означает групповую готовность к действиям или сами действия. В фокусе этнополитического исследования в качестве групп выступают этнические сообщества. Подчеркивается важность фактора родного языка в народной памяти в процессе политизации этничности. На основании статистического анализа выдвигается тезис об обоснованности притязаний крымско-татарской политизированной этничности на свое национально-государственное образование. Показан процесс формирования диаспоры данной этнической группы, которая стала источником возникновения национального движения. Даются существенные характеристики волн эмиграции с полуострова Крым, названы основные пункты иммиграции. На основании статистических данных сделан вывод о роли и значении крымско-татарского языка для этнополитической мобилизации крымских татар как этнической группы.

Ключевые слова:

этнополитология, этнополитическая мобилизация, национальное движение, крымские татары, крымско-татарский язык, крымско-татарская диаспора, родной язык.

Summary:

The study analyzes language and diaspora factors of the ethnic political mobilization of the Crimean Tatar ethnic group. In a broad sense, the ethnic political mobilization means group readiness for action or actions themselves. Ethnic communities are the focus of ethnopolitical research as groups. The paper notes the significance of the native language in the people's memory in the politicization of ethnicity. Based on statistical analysis, the author substantiates the claims of the Crimean Tatar politicized ethnicity to its national state entity. The research shows the development process of diaspora of this ethnic group, which is the source of the national movement. The study provides the basic characteristics of the waves of this population emigration from the Crimean Peninsula and identifies the main points of immigration. The author concludes that the Crimean Tatar language plays a great role in ethnic political mobilization of the Crimean Tatars as an ethnic group.

Keywords:

ethnic political science, ethnic political mobilization, national movement, Crimean Tatars, Crimean Tatar language, Crimean Tatar diaspora, native language.

В рамках проведения этнополитических исследований важным является рассмотрение такого явления, как этнополитическая мобилизация, близкого по содержанию понятию «политизация этничности». После распада коммунистической системы феномен этничности стал одним из ведущих механизмов политической мобилизации и важнейшей причиной конфликтного противостояния между политическими акторами. Само понятие «мобилизация» достаточно широко используется в социологической лексике, являясь близким по смыслу понятию «политизация» в политологии.

Как и всякая разновидность мобилизации, она опирается на потенциал, необходимый для активации этнополитического процесса. Ресурсами для этнополитической мобилизации выступают средства, методы, формы организации, стили лидерства, идеологии, используемые группой (внутренние ресурсы), а также социально-экономические и политические условия (внешние ресурсы), которые благоприятствуют достижению поставленных целей [1, с. 184].

Этнополитическая мобилизация проходит три этапа. На первом этапе происходят конструирование традиции и мобилизация народности; создаются (или воссоздаются) своего рода опорные точки этнической/национальной идентичности: символы, мифы, обычаи, традиции с последующей их популяризацией в массах. Далее следует политизация этнического наследия – явление, при котором наследие, воссозданное этапом ранее, институционализируется – превращается в ресурс политической борьбы и приватизируется национальным движением. Завершает процесс этнополитической мобилизации «этническое очищение» – появление враждебности ко всему «иному» историко-культурному наследию; создание защитного механизма для сакрализованной к этому этапу культуры своей этнической общности и подавление на этой основе всяческих проявлений «иных» культур как внутри общности, так и вне ее. Происходит абсолютизация идеи общего происхождения как основа этноцентризма; явно и имплицитно формируется образ врага.

Для понимания сущности этнополитической мобилизации крымских татар важным представляется вопрос формирования диаспоры данной этнической группы. Мы выдвигаем гипотезу о том, что очагом возникновения крымско-татарского национального движения стала диаспора, стихийным образом сформированная в центральноазиатских республиках СССР. Некоторые исследователи предлагают рассматривать процесс формирования данной диаспоры в качестве предыстории возникновения национального движения [2]. Формирование крымско-татарской диаспоры происходило на протяжении трех исторических периодов:

- периода Крымского ханства (XV–XVIII вв.);
- периода Российской империи (1783–1917);
- советского периода (1917–1991).

Каждый из указанных периодов можно разбить на несколько этапов. Исторические детали не являются предметом настоящего исследования, поэтому не будем заострять на них существенного внимания. Остановимся лишь на значимых с точки зрения политологического анализа фактах.

Начавшееся с XV в. миграционное движение из Крыма на земли Московии, Польши, Литвы, Швеции, Османской империи и других государств стало истоком формирования крымско-татарской диаспоры. Данный процесс, по утверждению крупного исследователя процессов формирования крымско-татарской диаспоры Э.Х. Сейдаметова, продолжался время от времени в тесной зависимости от бывших тогда между странами дипломатических отношений на протяжении всего времени существования Крымского ханства. Оседая на новых землях, крымские татары принимали активное участие в общественно-политической, культурной, экономической жизни этих стран, играя немаловажную роль в дальнейшем этногенезе народов [3]. Формирование крымско-татарской диаспоры в период Российской империи, возникшей в 1783 г., явилось следствием эмиграционного движения, вызванного колонизаторской политикой новых властей в Крыму. По утверждению Э.Х. Сейдаметова, целью этой политики было вытеснение крымско-татарского народа из Крыма посредством политики политического, социально-экономического, национального и религиозного гнета и последующего заселения территории полуострова колонистами из внутренних губерний России и других государств [4]. Вторая волна эмиграции пришлась на период после Крымской войны 1853–1856 гг. Причем если в конце XVIII в. из Крыма эмигрировали в основном горные крымские татары, то с середины XIX в. более 90 % эмигрировавших составляли степные крымские татары, что было вызвано как последствиями войны, так и растущим малоземельем и безземельем сельского населения [5, с. 23]. Третья волна эмиграции приходится на период с 1874 г. и была вызвана введением всеобщей воинской повинности. Крымско-татарские призывники обязаны были проходить службу в общевоинских частях, что не предполагало ими исполнения религиозных предписаний. Эмиграция происходила преимущественно нелегально, без паспортов [6]. Таким образом, мы можем утверждать, что причиной формирования крымско-татарской диаспоры в тот период была вынужденная эмиграция. Она осуществлялась в 1783–1917 гг. на территории, принадлежавшие Османской империи. Наиболее населенными выходами из Крыма оказались земли Добруджи (ныне располагается на территории Румынии и Болгарии) и собственно Турции.

Четвертая волна эмиграции крымских татар происходила в 1920–1940-е гг., вплоть до принудительного их выселения в 1944 г. Эта волна состояла из нескольких этапов. Первый этап пришелся на начало 1920-х гг. и был вызван последствиями голода 1921–1922 гг. По некоторым данным, под влиянием голода произошло сокращение численности всего населения Крыма на 21 % (ок. 150 тыс. человек), из которых 100–110 тыс. погибло и около 50 тыс. человек эмигрировало [7, с. 63, 67; 8]. Основными пунктами иммиграции были Турция и в меньшей степени США. Политика советской власти по коренизации в Крыму с начала 1920-х гг., целью которой, как справедливо утверждает Э.Х. Сейдаметов, было укрепление ее авторитета среди коренного населения Крыма, а также «привлечение симпатий народов Востока к этой «справедливой» и «правовой» власти» [9], привела к сокращению эмиграционного движения крымских татар. Впрочем, уже к концу 1920-х гг. эта политика была свернута и заменена на репрессивную, что вызвало очередную волну эмиграции крымских татар. Следует отметить, что эмиграция в этот период была малых масштабов по причине усиления государственного контроля над эмиграционными потоками. Согласно подсчетам исследователей, в этот период Крым покинуло порядка 10 тыс. лиц из числа крымско-татарского населения [10].

Крымско-татарскую эмиграцию периода Второй мировой войны специалисты подразделяют на «западную» и «восточную». Миграция крымских татар на Запад проходила в годы оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками, когда с отступлением гитлеровцев с ними ушли, по данным М. Алтана, приблизительно 10 тыс. беженцев и военнопленных крымских татар [11]. Вернувшиеся впоследствии 5 тыс. человек были подвергнуты арестам и осуждению государственными властями СССР. Те, кто не вернулся в СССР, осели в Румынии, Болгарии, Австрии и Германии [12, с. 140]. По завершении Второй мировой войны, в 1948–1950-х гг., при помощи ООН 95 % крымских татар эмигрировали из Германии в Турцию. В связи с экономическим кризисом в Турции в конце

1950-х гг. представители эмиграционных движений 1930-х, 1940-х гг. переселяются в Америку. «Восточная» же эмиграция крымских татар произошла в результате принудительного выселения государственными властями СССР из Крыма в 1944 г. на территорию Средней Азии, Урала, Сибири, Алтая и других регионов. Таким образом, мы можем сделать следующий вывод. История возникновения диаспоры крымских татар началась с момента присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г., что повлекло за собой несколько волн эмиграции в течение последующих полутора столетий. Демографической базой диаспоры стали те лица из числа крымских татар, чье положение было разрушено либо ухудшено в результате целенаправленной (колониционной) политики Российского государства (Российская империя, СССР до середины XX в.).

Важнейшим ресурсом этнополитической мобилизации крымских татар в годы СССР оставался родной язык, определивший высокую степень готовности этнической группы к тому или иному коллективному действию и форме мобилизации. Язык своей этнической группы использовался крымскими татарами в качестве безусловного этнического наследия. По мнению М.Н. Губогло, между языковым и национальным самосознанием существует тесная и прочная этнопсихологическая связь, поэтому при анализе этнополитической мобилизации важно уделять пристальное внимание именно языковой проблематике [13, с. 627]. Согласно данным, приведенным в таблице 1, к 1989 г. наибольшая численность крымских татар наблюдалась в шести республиках СССР, а признававших родным язык своей национальности из живших на территории СССР было 92,6 %.

Таблица 1 – Расселение крымских татар по республикам СССР и признание крымско-татарского языка родным (в тыс. чел. и %, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) [14]

Территория	Численность		Признавали крымско-татарский язык родным	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
СССР: всего	271 715	100	250 442	92,6
город	187 301	68,9	–	–
село	84 414	31,1	–	–
Узбекская ССР	188 772	69,5	175 890	93,2
Украинская ССР	46 807	17,2	43 334	92,6
Российская СФСР	21 275	7,8	19 013	89,4
Таджикская ССР	7 214	2,7	6 794	94,2
Казахская ССР	3 169	1,2	2 818	88,9
Киргизская ССР	2 924	1,1	2 593	88,7
Остальные республики СССР	1 554	менее 1	–	–

Наибольшее число крымских татар, признавших родным язык своей национальности, проживало в республиках Средней Азии и Казахстана в условиях традиционной тюркоязычной среды (от 87,5 % в Туркменской ССР до 94,2 % в Таджикской ССР), а также на Украине. Наименьшее число таковых было в Эстонской ССР (50,0 %), Литовской ССР (47,2 %) и Белорусской ССР (36,2 %). Однако на территории Эстонии, Литвы и Белоруссии проживало менее 1 % крымско-татарского населения, что не может свидетельствовать о подлинной ситуации в данном аспекте. Поэтому в таблице 2 приведены данные только по тем республикам СССР, где численность проживающего там крымско-татарского населения превышала 1 тыс. чел.

Таблица 2 – Численность народов СССР, считавших язык своей национальности родным (в %, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) [15]

Народы, имевшие в 1989 г. союзные республики		Народы, имевшие в 1989 г. автономные республики (включая народы Дагестана)			
Азербайджанцы	97,7	Абхазы	93,5	Башкиры	72,3
Грузины	98,2	Аварцы	97,2	Буряты	86,3
Казахи	97,0	Агулы	94,9	Калмыки	90,0
Киргизы	97,0	Балкарцы	93,6	Карелы	47,0
Латыши	94,8	Даргинцы	97,5	Коми	70,4
Литовцы	97,7	Ингуши	96,9	Лезгины	91,6
Русские	99,8	Кабардинцы	97,2	Марийцы	80,8
Таджики	97,7	Каракалпаки	94,1	Мордва	67,1
Туркмены	98,5	Кумыки	97,4	Ногайцы	89,9
Узбеки	98,3	Лакцы	93,6	Осетины	87,0
Эстонцы	95,5	Рутульцы	94,8	Татары	83,2
Армяне	91,7	Табасараны	95,9	Удмурты	69,6
Белорусы	70,9	Тувинцы	98,5	Чуваши	76,4
Молдаване	91,6	Цахуры	95,2	Якуты	93,8
Украинцы	81,1	Чеченцы	98,1		
Крымские татары 92,6					

Сохранение родного языка является важнейшим объектом межпоколенной коммуникации и выступает одним из значимых ресурсов, формирующих потенциал этнополитической мобилизации этнической группы. Крымско-татарскому этносообществу, в условиях отсутствия своего национально-государственного образования, в период депортации удалось в значительной мере сохранить свой язык. Приведенная цифра в 92,6 % крымских татар, проживавших к 1989 г. в шести союзных республиках СССР с наибольшей численностью крымско-татарского населения и признавших родным язык своей национальности, превосходит по аналогичному параметру не только целый ряд народов, имевших в СССР свою автономную республику, но и некоторые народы, имевшие свою союзную республику: белорусов (70,9 %), украинцев (81,1 %), молдаван (91,6 %) и армян (91,7 %) (см. табл. 2). Еще более наглядным подтверждением высокого уровня сохранности у крымских татар своего языка являются данные, полученные из той же Всесоюзной переписи населения 1989 г., по которым из 56 национальностей, не имевших своих национально-государственных образований, наибольший процент считавших родным язык своей национальности были абазыны, белуджи, венгры, дунгане и крымские татары (свыше 90 %) [16].

По данным этой же таблицы можно сделать вывод о том, что крымско-татарское этническое сообщество было высокоурбанизированным (68,9 % городского населения против 31,1 % сельского). По утверждению М.Н. Губогло, часть крымско-татарского населения, «всеми правдами и неправдами получив среднее или высшее образование, обретя специальность, старалась перебраться из спецрезерваций в города, в том числе в Москву и столицы других союзных республик» [17, с. 621–622].

Приведенные выше факты, согласно которым процент крымских татар, считающих родным язык своей национальности, занимает промежуточное положение между этническими группами, имевшими в СССР союзную или автономную республики в качестве национально-государственного образования, свидетельствуют о высокой степени развитости этнического самосознания крымско-татарского народа. Данное заключение позволяет сделать вывод об обоснованности самоопределения крымско-татарского сообщества в форме национально-государственного образования. Языковая и этнонациональная формы самосознания связаны между собой этнопсихологически, что является важным мотивом исследования именно этих аспектов этнополитизации всякой этничности. Как свидетельствуют приведенные данные, крымско-татарское сообщество к 1990 г. имело признаки мобилизованной этничности. «Народ, сумевший – вопреки политике этноцида – сохранить в качестве родного язык своей национальности, оказался и во многих других отношениях способным к активному противостоянию, противодействию этой политике. Именно в этом противодействии, начавшемся стихийно, в массовом масштабе и задолго до возникновения каких бы то ни было формальных структур и организаций, заключались глубинные истоки крымско-татарского национального движения» [18, с. 627]. В связи с этим справедливым представляется утверждение турецкого ученого И. Айдынгюна о том, что существуют народы, не имеющие своего государственного образования, но имеющие сильно развитое национальное самосознание, и крымские татары относятся к таковым [19, p. 116].

Ссылки:

1. Ачкасов В.А. Этнополитология. СПб., 2005. 337 с.
2. Сейдаметов Э.Х. Формирование крымско-татарской диаспоры: советский период (1917–1944 гг.) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 69. С. 139–141.
3. Там же.
4. Там же.
5. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н. Киселёва, А. Мальгин, В. Петров, А. Форманчук. Симферополь, 2015. 351 с.
6. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. 246 с.
7. Урсу Д.П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. Симферополь, 2004. 275 с.
8. Приводится по: Сейдаметов Э.Х. Указ. соч.
9. Сейдаметов Э.Х. Указ. соч.
10. Приводится по: Сейдаметов Э.Х. Указ. соч.
11. Там же.
12. Сейдаметов Э.Х. Указ. соч.
13. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. 813 с.
14. См.: Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М., 1990.
15. Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымско-татарское национальное движение. Т. I. История. Проблемы. Перспективы. Серия: Национальные движения в СССР / ЦИМО. М., 1992. 320 с.
16. См.: Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.
17. Губогло М.Н. Указ. соч.
18. См.: Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.
19. Aydingun I., Aydingun A. Crimean Tatars return home: identity and cultural revival // Journal of ethnic and migration studies. 2007. Vol. 33, no. 1. P. 113–128.